

ВОЙНЫ И СУДЬБЫ

Александр
ТАМОННИКОВ

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Москва 2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

При оформлении обложки использована работа
художника *Владимира Нартова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Тени прошлого / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-699-98184-7

Лейтенанту Михаилу Козыреву светила хорошая должность в «тепленьком» местечке, но молодой офицер предпочел боевую службу в Афганистане. Во время одной из операций колонна советских машин попала в засаду. Тяжело раненный Козырев оказался в плену у душманов. И не избежать ему мучительной смерти, если бы в пленника не влюбилась дочь главаря банды. Чувства молодых людей оказались взаимными. Поставленный перед выбором — начать новую жизнь среди афганцев или умереть, — Козырев делает судьбоносный шаг. Но спустя годы он снова берет в руки оружие и выполняет свой долг до конца...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А., 2017
© Оформление.
ISBN 978-5-699-98184-7 ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Все, изложенное в книге,
является плодом авторского во-
ображения. Всякие совпадения
случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

ГЛАВА 1

*Демократическая Республика Афганистан.
Полевой лагерь N-ского мотострелкового полка
у селения Хакар. Воскресенье,
18 сентября 1988 года*

Командир роты материального обеспечения старший лейтенант Бутаев и его заместитель лейтенант Козырев не торопясь шли к модулю, в котором проживали. За их спинами виднелись две большие палатки для личного состава подразделения.

Командир окончил Самаркандское командное училище, заместитель — Рязанское инженерное. Геннадий Бутаев дослуживал последний месяц из двух лет так называемой командировки. Михаил Козырев прибыл сюда недавно, после окончания училища. Командир роты все еще вводил молодого офицера в специфику службы в Афганистане.

С момента прибытия в полк Козырев был немного удивлен тем, что здесь, за речкой, служба сильно отличается от того, что он видел на стажировке, в мотострелковом полку Московского военного округа. Там соблюдалась существенная дистанция между военнослужащими, носящими разные звания. Здесь она, конечно, тоже присутствовала, но в повседневной жизни

как-то сглаживалась. Лейтенант тут не отдавал чести капитану, естественно, если тот не стоял на три ступени выше по должности, не являлся, скажем, заместителем командира полка. Многие офицеры носили кроссовки вместо берцев и солдатские панамы.

Да и форма отличалась кардинально. Афганки песочного цвета, полевые звездочки на вставках вместо погон, предусмотренных уставом, облегченные комбинезоны.

В роте материального обеспечения прапорщичи вообще общались с сержантами и старослужащими на «ты», по имени.

Сегодня офицеры зашли в каптерку, дощатое строение, стоявшее за первой палаткой. Они обнаружили там пьяных старшину-прапорщика и его земляка сержанта, лежавших в обнимку. Ротный посмотрел на них, вызвал дежурного и приказал ему не выпускать алкашей из каптерки, пока они окончательно не придут в себя, чтобы не засветились перед командованием части. Вот и все! Возможно, потом он и устроит им разнос, но на данный момент по виду старшего лейтенанта этого утверждать было нельзя.

Он шел рядом с заместителем, улыбнулся и проговорил:

— Вижу, Миша, ты хочешь спросить, почему тут такой бардак.

— Да уж, с дисциплиной в полку туговато.

— Дружище, это не бардак. Люди на войне, а у нее свои законы. Ты еще много чего увидишь

такого, что и представить себе не мог. В свое время я тоже думал, что в войсках все то же самое, что и в училище, но на себе убедился в обратном. А в Афгане не просто войска, здесь действующая армия. Конечно, я накажу прапорщика и сержанта. Но Магомедов, старшина роты, и Володя Санин — нормальные парни. Они побывали там, где врагу не пожелаешь, и насмотрелись всякого. У Магомедова орден Красной Звезды, у Санина медаль «За боевые заслуги». Я же тоже к ордену был представлен, но в штабе полка посчитали, что пропагандист заслуживает его больше.

— Вы имеете в виду майора Иванова?

— Он у нас один в полку. И в прямом, и в переносном смысле. Кругом правильный. Даже замполит полка проще. А Иванов — белая кость. Перед тем, кто ниже его по должности и званию, понты кидает, начальству готов днем и ночью задницу лизать. — Бутаев сплюнул в песок дорожки. — Вот и вылизал себе орден, ни разу не выходя на боевые.

Лейтенант вздохнул и заявил:

— Да, спеси в нем хватает.

Командир взглянул на заместителя и поллюбопытствовал:

— Что, уже имел с ним дело?

— Так точно. Когда вы с ротой на обеде в столовой были. Вчера после парко-хозяйственного дня...

Бутаев прервал лейтенанта:

— Я тебе что говорил? Когда мы наедине, брось эти «так точно», «никак нет», «товарищ старший лейтенант». Я же всего на год тебя старше. А должность? Заменяю, тебя поставят на роту. В конце следующего года старлеем ходить будешь.

— Как-то непривычно.

— Привыкай, Миша. Чем быстрее, тем лучше. При подчиненных бди формальность, как оно и положено, а среди командного состава не надо. Лишнее это, пустое. Но ты не договорил о встрече с Ивановым. — Бутаев достал пачку сигарет, протянул Козыреву. — Будешь?

— Да вроде...

— Нельзя во время перемещения? И на это забей. Так будешь?

— Воздержусь.

— Дело твое. — Старший лейтенант прикурил. — Давай, Миша. Я слушаю!

— Так вот, вы... извини, ты с ротой был в столовой, я — в палатке. У отсека канцелярии. Слышу, дневальный подает команду: «Дежурный по роте на выход!» А тот только встал после отдыха, умывался за палатками. Думаю, может, кто из взводных пришел? Так вроде все в модуль подались после офицерской столовой. Появился бы ты или другой вышестоящий прямой начальник — была бы команда «смирно», а тут!.. Выхожу к дневальному. Рядом майор, в руках что-то наподобие тросточки, самодельной, но шарма

добавляет. Весь такой чистый, аккуратный, усики пострижены, ровно два сантиметра волос под кепкой. Я представляюсь, а он тростью по ноге стучит и спрашивает, мол, новенький? «Так точно», — отвечаю. Он представился так, словно пропагандист полка — это что-то незаменимое в войсках.

Бутаев рассмеялся и заявил:

— Конечно, куда же мы без пропагандистов, секретарей парткомов, комсоргов? Без них полк сразу же духи сотрут в пыль. Извини, продолжай.

— Майор поднял трость, ткнул ею в стенгазету. «А это что такое, товарищ лейтенант? Что за дерьмо вы вывесили здесь!» Отвечаю, дескать, стенгазета. У него глаза округлились так, будто кобру у ног увидел. «Нет, лейтенант, это не стенгазета, даже не пародия на нее, а издевательство».

— А что такого он увидел в стенгазете? Писарь все как всегда в нее налепил.

— Да только сверху написал «Партия — ум, честь и совесть наши плохи». Именно так, Гена, а не «нашей эпохи», как в партбилете.

— Вот же сучонок этот Кужак! Надо же так подставить! А ведь Иванов теперь может целое дело раздуть. Он забрал стенгазету? Я что-то внимания не обратил. Хотя, по-моему, доска пустая была, да?

— Иванов хотел забрать, но не успел. Я сорвал стенгазету, смял и за спину спрятал.

— Вот это молодец! А из Кужака я завтра ишачка сделаю.

— Не надо. Говорил я с ним. Рядовой Сангулов сам не поймет, как это вышло. А исправленная стенгазета после обеда будет висеть.

— Не поймет он! Уснул поди как конь в оглоблях.

— А вот тут, командир, отдельная тема. По штату в роте нет никакого писаря. Сангулов — специалист отделения технического обслуживания. Почему он в свободное время пишет тебе конспекты, оформляет боевые листки, эту стенгазету, в конце концов?

— По-твоему, я сам должен убивать время на то, чтобы переписать текст из журнала «Коммунист Вооруженных сил» в тетрадь для политзанятий? Мне больше делать нечего? У нас на пять машин меньше, чем положено по штату. Хорошо хоть, что мусоровоз своими силами отремонтировали, а то заставил бы нас Хряк на себе таскать всякое дерьмо.

Хряком в полку за глаза называли заместителя командира по тылу майора Левенко. Из-за его более чем солидного живота.

— И потом, Миша, за каким хреном надо переписывать текст? Можно читать бойцам статью прямиком из журнала. Нет, офицер, проводящий политзанятия, обязан составить конспект.

Козырев пожал плечами и сказал:

— Я и сам думаю, что это пустая трата времени.

— А ты скажи то же самое секретарю парткома. В момент из тебя врага народа сделают.

— Сейчас уже нет.

— Другие времена? Горбачевская оттепель? Нахлебаемся мы еще этого добра. Ладно, утряса дело со стенгазетой, вот и хорошо. Но имей в виду, Иванов, как говорится, человек не злопамятный, однако память у него очень хорошая. Он тебе подобной дерзости не забудет и не простит. Так что на награды, пока этот фрукт в полку, не рассчитывай.

— А я здесь не за награды.

— Сам, что ли, напросился?

— Да. Вообще-то мне предлагали остаться в училище, взводным в батальоне обеспечения учебного процесса, но я настоял на отправке в Афган.

— Ну и дурак! Больше скажу, идиот полнейший. Тебе службу в городе предложили, при училище, с превосходной перспективой карьерного роста. Сначала взводным в БОУПе, потом стал бы ротным. Это уже майорская должность, академия и все дела. А ты в Афган. Или тут, как часто бывает в подобных случаях, свою роль сыграла коварная дама? Так, Миша? Колись. Кинула тебя баба, вот ты сгоряча и написал рапорт. Так было?

— Нет, командир, не так.

— А как? Очень уж интересно. Нет, конечно, если не хочешь, не говори.

— Почему же? У меня осталась в Рязани девушка, можно сказать, невеста. В педагогическом учится на четвертом курсе, физико-математический факультет.

— Во как? Круто. И физик, и математик. Умная, видать, девушка. Но тогда совсем непонятно, за каким чертом ты поперся за речку!

— Хочу проверить себя.

— В каком смысле? Как поведешь себя в бою?

— Что-то вроде того.

— Ну ты и чудик. Хотя среди нас, офицеров, таких большинство. Помню, в штабе Туркестанского военного округа, на шестом этаже, где управление кадров, офицеры, которых вместо Афгана отправляли в части округа, бучу нехилую поднимали, рапорты на увольнение писали. Да и в войсках запахло как-то было отказываться.

— Вот видишь, значит, не один я такой чудик. Сам-то как попал сюда?

— По распределению.

— Откосить не мог?

— Легко! У меня на четвертом курсе бурный роман завязался с дочкой секретаря обкома. Прикидываешь, какая шишка? Когда Валентина, девушка моя, привела меня домой, чтобы познакомить с родителями, я охренел по полной программе. Такой роскоши не видел никогда и нигде. У меня-то родители простые трудяги, отец мастер на заводе, мама воспитательница в детском саду. Жили нормально, но до секретаря обкома, сам понимаешь, как до неба.

— Понимаю, — улыбнулся Козырев.

— Ну вот, посидели мы за столом, армянского коньячку отведали. Я тогда сказал, что мне нельзя, поймают, на губу отправят. А папаша ее:

«Кого? Тебя? Того человека, который выпил со мной?» После знатного обеда пригласил он меня в кабинет и спросил, серьезны ли мои намерения. Я, естественно, да, конечно, как же иначе, хотя честно скажу, особых чувств к ней не питал. В постели она была дьяволицей. На том и держался наш роман. Папаша спросил, какие у меня планы на жизнь после учебы. Я: «Куда пошлют служить, туда и поеду». Он: «Даже в самый захолустный гарнизон?» Я ему: «На то и учусь, чтобы служить». Он: «Все это похвально, но как же Валентина? Отдаленные гарнизоны не для нее». В общем, базар в таком духе. В конце папаша говорит: «Я ничего против вашего брака не имею, сам из низов вышел. Но при условии, что ты будешь делать то, что я тебе скажу. Закончишь бурсу свою, уволишься, пристрою в обком комсомола. Квартиру дам». Так и сказал, «дам», словно в городе все ему принадлежало. Да так оно, в принципе, и было. «Даже дачу свою вам отдам, себе новую сделаю. Само собой, машину подарю на свадьбу. Такое вот условие. Полное подчинение и катайся сыром в масле».

— Ну а ты?

— А мне, Миша, после базара этого противно стало. Это что же, я продаю себя? В подкаблучники иду? Да от меня все пацаны с курса отвернутся. «Нет, — думаю. — Секс — это хорошо, а честь, без всякого пафоса, дороже». Ротный мне выдает маршрутку и объявляет свободный выход. А сам с каким-то презрением смотрит. Отказался